

норм письма XIV – начала XV века. В данном памятнике письменности появляются новые написания, характерные для письма раннего периода, и эти новые черты не свидетельствуют о «южнославянском влиянии», а указывают на то, что в русской письменности второй половины XV в. складывается новая графико-орфографическая система, или, как называет этот процесс Б.А. Ларин, реставрация «старославянского языка, но в известной мере и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры» [5, с. 241-242].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Древнерусская грамматика XII-XIII вв. – М., 1995.
2. Каринский Н.М. Паремейник 1271 года как источник для истории Псковского письма. Лекция. – М., 1926.
3. Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV в. – СПб, 1909.
4. Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. – М., 1997.
5. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М., 1975.
6. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая пол. XIV в. – Л., 1987.

УДК 808.5

Пригарина Н.К.

Волжский гуманитарный институт (филиал)
МОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТАКТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ РИТОРИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ*

Аннотация. В статье предлагается рассматривать формы организации языковых средств, используемые в аргументации судебной защитительной речи, как особые инструментальные риторические тактики, реализующие риторические (аргументативные) стратегии.

Ключевые слова: аргументация, убеждающая речь, судебная защитительная речь, риторические стратегии, риторические тактики, инструментальные тактики.

N. Prigarina

INSTRUMENTAL TACTICS AS ELEMENT OF RHETORICAL ARGUMENTATION

Abstract. In the article author suggest to examine forms of organizations of language means, used in the argumentation of judicial defensive speech, as special instrumental rhetorical tactics, realizing rhetorical strategies.

Key words: Argumentation, convincing speech, judicial defensive speech, rhetorical strategies, rhetorical tactics, instrumental tactics.

Изучение роли стратегий и тактик в построении и организации убеждающей речи весьма актуально в современной науке.

В наиболее часто цитируемой работе О.С. Иссерс коммуникативная стратегия определяется как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс О.С., 2001, с. 54]. При этом *риторическими* стратегиями О.И. Иссерс называет только те, «в рамках которых используются различные приемы ораторского искусства и риторической техники эффективного воздействия на адресата» [там же].

На наш взгляд, *риторическая* (аргументативная) стратегия – это путь предъявления риторической аргументации, реализуемый через последовательно разворачивающиеся риторические действия для достижения конечного эффекта воздействия. Это выполнение сверхзадачи адресанта, направленной на достижение коммуникативной и воздействующей цели. Ср.: «Аргументативные стратегии — это методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход определенной диалектической стадии или дискуссии в целом в чью-либо пользу, которое проявляется в систематическом, координи-

* © Пригарина Н.К.

нированном и одновременном использовании возможностей, соответствующих данной стадии» [Еемерен, 2006, с. 16].

Средства языкового оформления речи мы предлагаем рассматривать как особые – *инструментальные риторические* – тактики.

Инструментальные риторические тактики мы определяем как различные формы организации языковых средств выразительности, используемые на уровне текста и разворачиваемые в определенных аргументативных ситуациях с целью воздействия на адресата.

Инструментальные риторические тактики являются важным структурно-смысловым элементом *риторических* (аргументативных) стратегий, выполняют функцию эффективной презентации аргументативных ресурсов и усиливают эффект воздействия.

По нашему мнению, выбор тех или иных языковых средств (тропов, фигур и т. п.), используемых оратором, определяется задачей речи, служит для реализации замысла оратора в конкретной аудитории. В риторической аргументации тропы и фигуры не средства украшения речи, а разновидности риторических аргументов.

Указания на такую роль тропов и фигур в публичных выступлениях имеются во многих старых и новых риториках, в особенности написанных не теоретиками, а практиками, теми, кто сам активно выступал с публичными речами и умел воздействовать на аудиторию. Самой характерной в этом отношении является книга П.С. Пороховщикова «Искусство речи на суде», в которой автор пишет: «Риторические украшения, как и прочие элементы судебной речи, имеют право на существование только как средства успеха, а не как источник эстетического наслаждения» [Сергеич П., 1988, с. 46]. Ср. также: «Оратор пользуется метафорой для того, чтобы предотвратить возражения аудитории, в то время как поэт прибегает к ней потому, что она ему приятна» [Дюбуа Ж., 1986, с. 34].

Риторические (аргументативные) стратегии судебной защитительной речи реализуют инструментальные риторические тактики, построенные на основе аналогии, противопоставления, иронии, умолчания, уступки и градации.

1. Инструментальная тактика аналогии

Аналогия «представляет собой сравнение, состоящее в рассмотрении сходного яв-

ления или случая с целью эристического передвижения, доказательства и обоснования определенного утверждения» [Москвин В.П., 2008, с. 224]. Аналогии включаются в систему аргументации и под именем аргумента к переходу — «аргумент, основание которого состоит в установлении однородности и равнозначности предыдущего и последующего фактов, при котором общие повторяющиеся свойства фактов оцениваются как норма» [Волков А.А., 1996, с. 328].

В речи по делу о злоупотреблениях в Саратовско-симбирском банке Ф.Н. Плевако последовательно разворачивает аналогию из области грамматики:

Ср.: Все, что совершается перед глазами разумного человека, должно делаться достоянием его мысли и принять форму грамматического предложения, в котором части, явления или дела распадаются на те же элементы, на какие распадается и предложение: на сказуемое, подлежащее и на случайные части целого суждения. Какое же слово подходяще для сказуемого настоящего дела?

В следующей микротеме описывается смысл происшедшего. Она заканчивается словами:

В данном деле нет внешних условий гибели банка. Его погубили. Таким образом, сказуемое найдено... Поищем подлежащее к нашему предложению.

После этого адвокат обосновывает виновность подсудимых, и делает вывод, что именно они – «подлежащие».

Но раз два влиятельных человека, — эти подлежащие, найдены, то что же представляют собою другие лица?

Далее оратор переходит к характеристике других фигурантов.

Ср.: Но, кроме Коваленкова, были и другие лица, являющиеся служебными частями предложения. Что касается других придаточных частей — Бока и И. Борисова и случайно присоединившегося Марциновского, то по отношению первых я имею одно обстоятельство, которое затрудняет меня произнести слово обвинения: в оценках не упоминается их имен, они появляются в одной лишь оценке Кано-Никольского имени.

Таким образом, данная аналогия выступает организующей пружиной всей конструкции речи.

2. Инструментальная тактика противопоставления

Противопоставление имеет в основе ан-

титезу, которая в данном случае рассматривается как средство воздействия, лежащее в основе инструментальной тактики. Мы относим к тактике противопоставления все случаи, где оратор намеренно разводит, противопоставляет реалии, в том числе те, что обычно не связаны между собой никакими отношениями, но становящиеся конфликтными, когда они поставлены рядом.

Тактика противопоставления реализуется в судебной защитительной речи через противопоставление:

- преступника и жертвы:

Ср.: *Есть на свете больная и жалкая слабоумная девушка — А.В. Мазурина, Бог знает зачем коротающая ни себе, ни людям ненужную жизнь. Есть на свете другая женщина, — она перед вами, — почтенного вида и преклонных лет, которой, казалось, не след и сидеть на скамье позора, на скамье отверженников общества. А между тем, судьбе угодно было связать общей нитью эти две противоположные натуры. Замечательная энергия, завидная сила воли этой и бессилие и безволие той дали место драме, реальностью ужасов и страданий превосходящей сотни созданий фантазии сердцеведов, по которым мы изучаем внутренний мир человека* (Ф.Н. Плевако, Дело Булах);

- морального облика подсудимых и морального облика реальных участников процесса или других известных присяжным реальных людей:

Ср.: *Мы видим здесь людей, которые прожили по пятидесяти лет и которые могут сказать тем, которые так чернят их: «Посчитаемся прошлым, кто из нас больше принес пользы», — и тогда пришлось бы краснеть не подсудимым, а тем, которые по недостатку собственных достоинств желают корить людей, прежде чем вы произнесете свой приговор* (Ф.Н. Плевако, Дело Московского ссудного коммерческого банка);

- слов и действий обвинения и слов и действий потерпевших:

Ср.: *Спасите, воскликнуло оно [обвинение], указывая на Марью и Константина, этих несчастных от подобных людей! А на это обвинительное слово откликнулись слова матери подсудимых и будто бы потерпевших: я — мать их, все они одинаково дороги мне, одних другим я не дам в жертву, но по правде и по сердцу я уверяю, что подсудимые не виноваты, что они равно достойны любви моей. Режет ухо жестокое возражение с трибуны прокурора, что мать изменила голосу*

природы и выдает одних детей на жертву другим. Слабый и неразвитый брат, Константин, больная душой и телом сестра, Марья, каким-то чудом собрали свои последние силы и проговорили: мы любим братьев, прощаем обиды, отвергаем обвинение; а оно — это обвинение — заткнув уши от этих из сердца исходящих криков, просило вас не верить им и засудить сидящих перед вами, неповинно привлеченных, братьев Новохацких... (Ф.Н. Плевако, Дело А. и Н. Новохацких);

- действий и поступков честных людей и действий и поступков преступников:

Ср.: *Все спутывается... Будущая дорога перейдет в руки деятелей, которым чужда идея спасти ошибку старого путем солидарности между заводом и дорогой. Для них завод — только неисправный должник, стоящий столько, сколько можно выручить от продажи его с молотка. Мечты Саввы Ивановича лопаются. Его мероприятия, из которых он тайны не делал, которые все занесены в книги, напечатаны в балансах и утверждены своевременно общими собраниями, объявляются сплошным рядом преступлений, и человека, которого восторженно благодарили за 25-летнюю службу акционеры, получившие по несколько сот рублей на акцию дивиденда, которые аплодировали его смелым планам, — теперь, при первой неудаче, сбившей с акций лишь биржевую спекуляционную цену и спустившей ее до цифры в 500 руб. (почти вчетверо против номинальных 150), бросают, под предводительством г-на Хитрово, в камеру прокурора...* (Ф.Н. Плевако, Дело С.И. Мамонтова).

С помощью противопоставления оратор может изображать внутренние противоречия личности подсудимого, которые помогают объяснить мотивы действий подсудимого:

Я убежден, что две отмеченные свидетелями сцены с револьвером были плодом этого диссонанса в отношениях к орудиям смерти Висновской и Бартенева. Она играла — он жил (Ф.Н. Плевако, Дело Бартенева).

3. Инструментальная тактика уступки

Эта тактика состоит в том, что сначала оратором для объединения с оппонентом предъявляются общие ценности, а затем он обращается к вопросам, где согласия нет. Применяется данная тактика в конфликтной аудитории и реализуется, как правило, на основе риторических фигур **концессии и мейозиса**.

а) **Концессия** (лат. Concessio – уступка, позволение, согласие) – «речевой оборот, при-

званный разрешить поставленное оратором противоречие через опровержение гипотезы, а значит, и самого факта существования какого-либо иного мнения, кроме очевидного» [Демидов О.В., 2000, с. 82].

«Концессия расчищает путь мысли, неприятной слушателям. Нельзя сказать присяжным или судьям: наказание бывает несправедливой и жестокой расправой, не вызвав в них некоторого неудовольствия. Оратор говорит: “Есть, бесспорно, такие преступники, в отношении которых наказание является необходимым возмещением содеянного, является безусловным требованием чувства справедливости”. После этого уже можно смело сказать: “Но есть и такие, для которых наказание является ненужной и жестокой расправой”» [Сергеич П., 1988, с. 59].

Концессия используется в случаях, когда адвокат соглашается с некоторыми суждениями оппонента для того, чтобы показать свою объективность, однако потом предлагает как правильную противоположную точку зрения:

Ср.: *Перед нами было прежнее обвинение присяжных. Мы перед ним преклоняемся и убеждены, что оно произнесено по совести. Но те присяжные не имели того громадного опыта, которым мы владеем теперь. И притом — какие же воздействия были на их совесть! Мы должны эти воздействия разобрать. Наученные первым страшным уроком, мы должны «то же слово, да иначе молвить»* (С.А. Андреевский, Дело Мироновича).

б) **Мейозис** (лат. Meiosis – уменьшение). Мейозис «представляет собой фигуру нарочитой неточности, состоящую в преуменьшении степени качества» [Москвин В.П., 2008, с. 600]. В нашем исследовании так назван один из способов разворачивания тактики уступки, при котором оратор признает свою ошибку в малом, неглавном с тем, чтобы указать на свою правоту в большом, главном [Сергеич П., 1988].

Ср., например, как Ф.Н. Плевако призывает наказывать его самого за допущенные ошибки, но не переносить ответственность на подсудимого:

Междуположением прокурора и защитника — громадная разница. За прокурором стоит молчаливый, холодный, незыблемый закон, а за спинами защитника — живые люди. Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи, и...страшно

поскользнуться с такой ношей! Если я сказал лишнее слово, я сам должен держать и ответ: на меня негодование, но ни одной стрелы — туда!.. (Ф.Н. Плевако, Дело С.И. Мамонтова).

4. Инструментальная тактика иронии

Ирония – важное средство эффективного воздействия в аргументации судебной защитительной речи. Ирония – троп, в основе которого лежит «перенос положительного смысла в «противное значение». В первой русской «Риторике» ирония названа «злохвалением». Классический пример: «Радуйся, царю Иудейский!» [Аннушкин В.И., 2007, с. 194].

Ирония используется для дискредитации оппонента, – как правило, прокурора – и предъявления своей позиции: ирония помогает адвокату сформировать недоверие к показаниям свидетелей, с помощью иронии излагаются обстоятельства слушаемого дела, ирония позволяет улыбнуться даже по поводу действий прокурора:

Ср.: *Не могу не согласиться с тем, кто имеет за собою хотя и маленький авторитет, кому не откажет в значении и г. прокурор, хотя он так сильно настаивает на значении показания, данного на предварительном следствии: составитель Устава, которым мы пользуемся, мнения г. прокурора никогда не разделял. Он создал судебное следствие, на котором проверяется предварительное следствие, а не наоборот* (Ф.Н. Плевако, Дело Лебедева).

А.И. Мигунов считает, что ирония может служить «формой риторического обоснования, то есть придания определенного смысла высказыванию в разуме слушателя, который пытается понять сказанное, найти сказанному определенное место в контексте своего знания предметной области, о которой идет речь» [Мигунов А.И., 2008, с. 29]. «Ирония – способ косвенного указания на смысл, действие от противного. Это своего рода косвенное доказательство или метод рассуждения через сведение к абсурду, рассуждения, на которое должен быть способен слушатель» [Мигунов А.И., 2008, с. 35].

5. Инструментальная тактика умолчания

Умолчание «является фигурой нарочито неполной, а потому не всегда и не для всех вполне ясной речи. Данный прием состоит в обрыве отдельного высказывания или даже целого повествования либо отдельной его структурной части в расчете на то, что его ад-

ресат догадается, о чем идет речь либо по ситуации, либо по подтексту» [Москвин В.П., 2008, с. 580].

Инструментальная тактика умолчания состоит в том, что оратор сознательно не до конца выражает свою мысль, чтобы аудитория сама завершила ее и сделала те выводы, которые ему необходимы.

Например, если оратор является представителем гражданского истца, то на домысливание могут быть оставлены возможные другие преступления подсудимого, более низменные мотивы, чем те, что получили доказательство в суде и т. п. Открыто утверждать, что они есть, адвокат не может, поскольку другая сторона потребует доказательств, однако намекнуть, посеять зерна сомнения вполне можно:

Ср.: Пусть идет своей дорогой разрушающий девушку недуг. Не мешать, а, наоборот, очищать ему путь, чтобы шел он торжественно и быстро к полной победе над своей добычей — вот что стало мечтой и делом Булах. Я боюсь верить более убийственным замыслам Булах, но зато в данном поступке убеждаюсь рядом мыслей и выводов из слышанного нами (Ф.Н. Плевако, Дело Булах).

Приведем пример, где для усиления недоверия к доводам оппонента адвокат допускает намек на умышленный характер искажения фактов, очевидно, по причине личной заинтересованности (подобные примеры возможны только в тех речах, где как процессуальный противник выступает не прокурор, а гражданский истец или адвокат другого подсудимого):

Ср.: Но в обвинительном акте указана еще другая цель совершения подлога, а именно та, чтобы не подвергнуться ответственности за нарушение § 11, п. I Устава банка. В этом пункте сказано, что банку запрещается покупка бумаг более чем на 600 000 руб. Но обвинение забывает, что в отчете покупка все-таки была записана цифрой большей, чем устав разрешает. Где же логика и справедливость? Мы думали, что эти силы должны быть господствующими на суде, но настоящий процесс доказывает, что важнее какие-то третьи силы, а не эти, и господа, здесь присутствующие, отстраняют и логику, и справедливость, как вещи, для них непригодные (Ф.Н. Плевако, Дело Московского ссудного коммерческого банка).

6. Инструментальная тактика градации

Градация – риторическая фигура, «сочетающая сопоставление по сходству и контрасту. Состоит из ряда словесных компонентов (не менее трех), имеющих нечто общее в значении и в то же время противопоставленных друг другу по интенсивности проявления этого общего. Противопоставление усиливается или, наоборот, падает от компонента к компоненту» [Хазагеров ГГ., 1999, с. 221].

Особое значение градация имеет при выступлении перед критически настроенной аудиторией, поскольку помогает безболезненно перейти от бесспорной мысли (очевидной ценности) к спорной мысли, подлежащей доказательству. Например, в речи в защиту Н.А. Лукашевича, который обвинялся в умышленном убийстве, адвокат Ф.Н. Плевако начинает с того, что соглашается с оценкой убийства, как самого страшного зла, но затем показывает, что кроме умышленного убийства законом предусмотрены и еще три варианта квалификации убийства, причем в речи их описание расположено от самого тяжкого (умышленное) к наименее тяжкому (убийство в припадке умоисступления). Это помогает слушателям постепенно перейти от однозначного осуждения деяния подсудимого к рассмотрению других возможных оценок. В результате суд признал, что подсудимый совершил убийство в припадке умоисступления, и оправдал его.

Таким образом, изучение роли языковых средств оформления речи в построении риторической аргументации предполагает их рассмотрение как средств аргументативного воздействия в составе инструментальных риторических тактик.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс: уч. пос. – 2 изд., испр. – М., 2007. – 292 с.
2. Волков А.А. Основы русской риторики: учебник. – М., 1996. – 345 с.
3. Демидов О.В. Речевые приемы обвинения (на материале судебных выступлений А.Ф. Кони): дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2000. – 136 с.
4. Дюбуа Ж. Общая риторика: учебник / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон / Под ред. А.К. Авеличева. – М., 1986. – 392 с.
5. Еемерен Ф.Х. ван. Аргументация и разумность: о поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании // Мысль. – 2006. – № 6. – С. 8-21.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2001. – 284 с.
7. Мигунов А.И. О единстве аргументативных и риторических форм обоснования // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: сб.

- науч. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград, 2008. – С. 19-38.
8. Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. – Ростов-на-Дону, 2008. – 637 с.
9. Сергеич П. Искусство речи на суде. – М., 1988. – 384 с.
10. Хазагеров Г.Г. Общая риторика: Курс лекций / Отв. Ред. Е.Н. Ширяев. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону, 1999. – 320 с.

УДК 811.161.1'367.635

Родионова И.Г.

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОСТАВНОМ ИМЕННОМ СКАЗУЕМОМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АНАЛИТИЗМА*

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические формы фразеологизмов, выступающих в роли именной части составного именного сказуемого и употребляющихся с различными связками. Особое внимание уделяется видам, функциям и значениям связок в предикативных фразеологизмах.

Ключевые слова: аналитическая форма, составное именное сказуемое, фразеологизм, связка.

I. Rodionova

USE OF IDIOMS IN THE ELEMENTAL NOMINAL PREDICATE AS A DEMONSTRATION OF ANALITISM

Abstract. This article is about analytical forms of idioms, which are used as nominal part of elemental nominal predicate and are used with different copuls. The great attention is paid to forms, functions and means of copuls.

Key words: analytical form, elemental nominal predicate, idiom, copul.

Тенденция развития аналитизма в грамматическом строе современного русского языка, о которой говорил академик В.В. Виноградов [Виноградов В.В., 1972, с. 36], находит своё проявление в предложениях с составными именными сказуемыми с именной частью, выраженной фразеологизмами. «Фразеологизм (фразеологическая единица) – это семантически связанное сочетание слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в

речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [Телия В.Н., 1998, с. 559].

Модальное значение фразеологизмов, выступающих в роли именной части составного именного сказуемого (т. е. предикативных фразеологизмов), выражается связкой: *Председательствующий, и всегда человек недоброжелательный, нынче был особенно не в духе* (Л. Толстой); *Словом сказать, молодые люди были хоть куда* (М. Салтыков-Щедрин); *В нашу первую и пока что единственную встречу ничто не мешало нам: её никто не ждал, и я был соломенным вдовцом...* (Ю. Нагибин).

Связки, употребляющиеся с фразеологизмами, помещены в словарных статьях фразеологических словарей. Например: **В БЕГАХ.** 1. Устар. В самовольной отлучке (быть, числиться, считаться и т. п.); **ЗА БОРТОМ.** Вне дела, не участвуя в деле, неприятии, игре и т. п. (оставаться, быть, находиться); **В УДАРЕ.** 1. В состоянии душевного подъёма, вдохновения, при котором удаётся что-либо делать очень хорошо (быть, находиться, чувствовать себя и т. п.) [Фразеологический словарь русского языка, 2006, с. 32, 41, 468]. Поскольку словари и грамматики отражают языковую систему, т. е. то, что «объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала» [Щерба Л.В., 1974, с. 26], постольку можно говорить об аналитической природе фразеологизмов.

В настоящей статье рассматриваются

* © Родионова И.Г.